

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1016-1025
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1016

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From Printed Text to Voice: Gramophone Recording and the Reinterpretation of Censorship Practices in the Russian Empire (The Caucasian Region, 1902–1913)

Taron R. Danielyan ^{a, b, *}, Tigran S. Gevorgyan ^b, Nane E. Vardanyan ^a

^aYerevan State University, Yerevan, Armenia

^bVanadzor State University, Vanadzor, Armenia

Abstract

The spread of the gramophone and gramophone records in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century posed a challenge to the censorship system, which had historically been oriented toward controlling printed texts. Sound recording as a new type of medium possessed a dual nature: it functioned both as a material commercial product and as a carrier of acoustic text, which significantly complicated its legal classification. In the multilingual and multi-confessional environment of the Caucasian Viceroyalty, these contradictions acquired particular administrative, legal, and political significance. The aim of this study is to analyze the institutional and law-enforcement practices used to regulate gramophones and gramophone records by the Caucasian Censorship Committee and related imperial institutions between 1902 and 1913, as well as to identify the transformation of the normative logic of control under the conditions created by the emergence of audio media. The source base consists of materials from the National Archives of Georgia and the Russian State Historical Archive, which make it possible to reconstruct administrative correspondence, interpretations of existing legislation, and supervisory practices applied to gramophone enterprises. The study demonstrates that at the initial stage the imperial administration acknowledged the existence of a legislative gap regarding sound recording as a specific form of mass communication and attempted to extend to it the norms regulating printed materials. After the reforms of 1905, a hybrid model of control emerged, combining police supervision, liability for publication, and the analogical application of the provisions of the Statute on Censorship and the Press to the activities of gramophone factories.

However, attempts to equate the production and distribution of gramophone records with the functioning of printing houses and bookshops revealed the limits of an expansive interpretation of censorship legislation and demonstrated the inability of the existing regulatory system to adequately encompass new forms of media production.

Keywords: Russian Empire, Caucasian Viceroyalty, Caucasian Censorship Committee, Main Administration for Press Affairs, sound recording, gramophone, phonograph, gramophone records, Armenian songs, works of spiritual content.

1. Введение

Каждое новое средство коммуникации в силу своих технологических и функциональных особенностей становится объектом законодательного нормирования, которому, как правило, предшествуют общественно-политические дискуссии различного масштаба – от межличностного и экспертного уровня до широких публичных дебатов.

В процессе исторического развития правовому регулированию подвергались как сами медиа в зависимости от используемой технологической основы (печатные, акустические, электрические, цифровые и др.), так и их институциональная инфраструктура (издательства, типографии, почтовая

* Corresponding author

E-mail addresses: tarondanielyan@ysu.am (T.R. Danielyan)

служба, телефонная сеть, телерадиовещание, интернет и др.), а также конкретные медиапродукты (книга, периодическая печать, реклама, грампластинка, телерадиопрограммы, сайты и др.).

Отдельные способы использования технологий, инфраструктур и медиапродуктов регулируются посредством специальных законодательных актов: иные – на уровне циркуляров и ведомственных распоряжений, часть решений принимается ситуативно – на локальном административном уровне или в рамках межведомственной переписки различных бюрократических инстанций. Таким образом, правовое регулирование медиасферы представляет собой сложную и многоуровневую систему нормативных практик.

Особый интерес представляет позиция властей Российской империи по отношению к граммофону – как к новому типу технологии, и к грампластинке – как к новому виду медиапродукта в региональном информационном пространстве.

Исследователи истории развития звукозаписи в своих работах отмечают различные особенности данного вида медиа и связанных с ним технологических инноваций.

Так, М. Маклюэн подчеркивает, что «электрические средства в силу своего тотального «полевого» характера склонны упразднить фрагментарные специализации форм и функций, которое долгое время принималось как наследство алфавита, печати, механизации» (Маклюэн, 2003: 315).

Сходную мысль высказывает Л. Гительман, отмечая, что звукозапись стала не просто техническим новшеством, а своеобразным эпистемологическим сдвигом, поставившим под вопрос границу между вещью и текстом. По ее мнению, фонограф и другие технологии записи звука развивались в рамках трансформаций печатной культуры и ее экономических механизмов, но изменили практики грамотности и ставили под сомнение традиционные роли автора и читателя, трансформируя формы культурной субъективности. «Тем самым они постоянно вмешивались в динамические конструкции приватного и публичного, сообщества и различия» (Gitelman, 1999: 13).

Потенциал звуковой коммуникации раскрывался по мере развития технологий фиксации и воспроизводства новых исполнительских практик. На примере распространения фонографа и граммофона можно заметить, что аудитория оказывала непосредственное влияние на адаптацию технологических новшеств. «Благодаря этому коллективному прослушиванию граммофон смог перерасти статус аппарата в общественных местах и укорениться в домах» (Рикитянская, 2022: 285-298).

2. Материалы и методы

Методология исследования сочетает историко-сравнительный и источниковедческий подходы с методами текстового анализа. Историко-сравнительный метод используется для сопоставления механизмов регулирования печатной и граммофонной продукции, а архивный анализ – для реконструкции структуры и институционального контекста архивных дел Национального Архива Грузии (НАГ, Тбилиси, Грузия) и Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург, Российская Федерация):

– НАГ. Фонд 12 (Канцелярия начальника гражданского управления Кавказа). Описание 7. Дело 2843 (О подчинении надзору торговли граммофонами и пластинками к ним);

– НАГ. Фонд 17 (Канцелярия Тифлисского губернатора). Описание 1. Дело 4644 (Об установлении надзора инспектора типографий за торговлей граммофонами и пластинками к ним); Дело 7255 (Циркуляры о проверке магазинов и фабрик граммофонных пластинок с целью выявления недозволенных цензурой пластинок).

– РГИА. Фонд 776 (Главное управление по делам печати МВД). Описание 15. 1905. Дело 353 (Руководственные циркуляры); Описание 21. Ч. 1. Дело 662 (О запрещении печатания фамилии артистов в каталогах граммофонных фирм без удостоверения со стороны заинтересованных артистов).

Хронологические рамки исследования охватывают период 1902–1913 гг. Начало периода обусловлено поднятием вопроса о нормативном регулировании аудиосферы инспектором типографий и книжных заведений, а также книжной торговли в Тифлисе, а конец связан с предвоенным этапом и завершением относительно стабильного периода развития административной практики империи.

В теоретическом плане в исследовании используется концепция Маршалл Маклюэна, позволяющая рассматривать граммофон не только как техническое новшество, но и как новое средство коммуникации, изменившего способы распространения информации и выявившего ограничения текстоцентричной модели цензуры. В этом контексте концепция Л. Гительман о размывании границы между материальным объектом и текстом позволяет проанализировать, каким образом чиновники Российской империи определяли правовой статус граммофонных записей.

3. Обсуждение

История граммофонов и граммофонных пластинок в Российской империи рассматривалась исследователями в нескольких аспектах. Анализировались технологические и экономические условия распространения звукозаписи, формирование новых практик музыкального потребления и культурной коммуникации.

Отмечается, что звукозапись стала ключевым фактором развития музыкальной культуры: именно благодаря ей возникли новые формы существования музыкального произведения, изменившие «принципы музыкальной коммуникации и распределение ролей в музыкальной иерархии» (Чванова, 2020: 36).

Аудиозапись стала средством документального отражения национальных музыкальных культур и исполнительских школ, одновременно способствовала расширению культурных контактов и взаимовлияния различных традиций в рамках единого информационного пространства, хотя в определенном смысле выполняла и своеобразную «охранительную», «консервативную» функцию, не допуская никакого «размывания границ» (Грюнберг, 2011).

Грамофоны и пластинки сыграли большую роль в культуре мусульманских народов (Юлдашев, 2014; Газиев, 2022). В частности, в татарской истории они выполняли не только функцию сохранения музыкального и поэтического наследия, но и способствовали становлению городской буржуазной культуры. Кроме приобщения к опыту мирового искусства, татарское общество создавало собственное интегрированное культурное пространство (Габдрафикова, Салихов, 2013). Аудиозаписи на пластинках распространяли среди татар не только песни и инструментальную музыку, но и поэтические произведения национальных поэтов (Газиев, 2017).

Исследователи отмечают, что для издателей пластинок национальная музыка и литература народов Российской империи представляли собой перспективный коммерческий проект: английские и французские продюсеры, разыскивая в кавказском регионе известных певцов, рассказчиков и музыкантов, руководствовались прежде всего экономическими интересами. Наиболее успешные записи переиздавались по 3–4 раза, что фиксировалось на самих пластинках (Соколова, 2019).

Осваивая российский рынок, европейские предприниматели начали записывать музыку народов империи – армян, татар, украинцев и других. В 1901 г. Вильям Гайсберг работал в Тифлисе, фиксируя армянскую и грузинскую музыку. Благодаря компании «Грамофон» (Вильям и Фред Гайсберги, Фред Тайлер, Эдмонд Пирс) и фирме «Братья Пате» (Теобальд Нобль) сегодня сохранились живые уникальные звуковые свидетельства культур Кавказа начала XX века (Соколова, 2012).

Несмотря на бурное развитие аудиомедиа и спрос на грамофонные записи в Российской империи, законодательное поле, регулирующее данную сферу, было довольно специфичным, и по сравнению с уровнем строгости правового регулирования прессы был значительно ниже. При этом права исполнителей фактически не имели законодательного закрепления и регулировались преимущественно посредством договорной практики – напрямую или через общественные организации. Закон об авторском праве от 20 марта 1911 г. сохранял права композиторов на разрешение записи произведений на «механические ноты» и интересы грамофонных фабрикантов от копирования. Однако вопрос о правах артистов-исполнителей и «правах литературных произведений, чьи тексты воспроизводились, урегулирован не был» (Николаев, 2021).

Кавказский цензурный комитет, учрежденный 18 декабря 1848 г., в различные периоды своего функционирования обладал различным правовым статусом – от относительной автономии по отношению к столичным инстанциям до полного административного подчинения Главному управлению по делам печати. По мере роста объема полиязычной издательской продукции, в процессе расширения театрального дела на Кавказе происходило институциональное усложнение цензурной системы и увеличение штатного состава цензурных органов. До 1905 г. комитет осуществлял предварительную цензуру, а после реформ 1905 г., будучи преобразованный в Тифлисский комитет по делам печати цензурный орган, как и во всей империи, стал рассматривать публикации же после их выхода (Danielyan, Petrosyan, 2026).

В деятельности цензоров Кавказского цензурного комитета замечены неоднородность и противоречивость административных практик. Многие решения зачастую зависели «от личных отношений с сотрудниками редакций, а интерпретация творческой продукции и деятельности местных и иностранных авторов могла идти вразрез с суждениями коллег» (Даниелян, 2023: 181), что нередко приводило к двойным, нередко противоречивым стандартам решений вопросов в Тифлисе и Санкт-Петербурге.

Если книгоиздательская деятельность и периодическая печать имели относительно развитую законодательную базу, то новые средства коммуникации – кинематограф и аудиопродукция имели неоднозначное правовое регулирование.

Так, анализируя развитие кинематографической цензуры, исследователь И. Богомолов отмечает, что стремительный рост кинотеатров и кинопроизводства в начале XX века побудил власти установить административный контроль над новым видом искусства: с 1907 г. полиция получила право следить за репертуаром кинотеатров, однако киноцензура оставалась децентрализованной, решения принимались на местах, что вызывало многочисленные противоречия и недовольство прокатчиков. В условиях расширения кинорынка, представители отрасли требовали централизации цензуры в Москве, однако в предвоенные годы этот вопрос так и не получил системного решения. До Первой мировой войны российская власть «в вопросе цензуры предпочитала следовать за общественными настроениями, избегая общих решений и возлагая ответственность на местную

администрацию и полицию. В этом значимое отличие кинематографической цензуры от печатной и драматической, в которых инициатива изначально принадлежала государству» (Богомолов, 2024: 73).

История развития кинематографической цензуры демонстрирует специфичный характер цензурной политики и тенденцию к делегированию контрольных функций на локальный административный уровень.

4. Результаты

Как показывают архивные данные, вопрос о регулировании продажи аудиопродукции на Кавказе начал обсуждаться с июля 1902 г., когда исполняющий обязанности инспектора типографий и книжных заведений, а также книжной торговли в Тифлисе Соловьев отправил Главнокомандующему гражданской частью на Кавказе и Тифлисскому губернатору представление о необходимости подчинения граммофонного дела в Тифлисе надзору инспекции по делам печати.

Инспектор сообщал, что в ходе проверки музыкальных магазинов он обратил внимание на «очевидный пробел в законах», заключавшийся в том, что продажа граммофонных пластинок не подпадала под надзор инспекции по делам печати. Это объяснялось тем, что на момент принятия цензурного устава данного вида коммуникации не существовало. Однако в условиях их широкого распространения контроль за данным видом торговли представлялся ему «безусловно необходимым», поскольку на граммофоне могла быть произведена запись «любого пения и декламации на всех существующих наречиях», тогда как сами пластинки изготавливались в Ганновере и при ввозе в Россию цензурному досмотру не подвергались (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4644. Л. 206.).

Уже в начале данного письма можно заметить основные проблемы, которые беспокоили чиновников, ответственных за регулирование данной медиасферы. Рассмотрим их в двух временных этапах: с 1902–1905 гг. и 1906–1913 гг.

Вопросы регулирования аудиопродукции и техники до 1905 г.

В начале XX века в Российской империи граммофонные пластинки обладали неопределенным правовым статусом. Сам факт обращения инспектора Соловьева к начальству показывает то, что существующая нормативная модель не давала однозначных правовых решений. Заметим, что в аргументации ответственного за печатную продукцию чиновника акцентируется не вид носителя, а содержание записи, что, по сути, граммофон и пластинку превращали из технического аппарата и носителя в средство распространения текстов в акустической форме. Тем самым, пластинка функционально приравнивалась к печатному произведению, однако не имела соответствующего юридического статуса в системе цензурного регулирования.

Другая проблема состояла в том, что пластинки могли использоваться как средство распространения запрещенной литературы, включая песни, которые в каталогах пластинок регистрировались под другими названиями. Инспектор сообщал высшим инстанциям, что в Петербурге он видел пластинки с песнями на польском языке, «безусловно в России воспрещенными, как например, «Еще Польша не згинела», «С дымом пожаров» и т.д.» (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4644. Л. 206.). В данном случае пластинки и сопровождающая их информация в каталоге становились инструментом обхода правового поля.

Парадокс заключался в том, что печатный текст – включая рекламные объявления и каталоги – за некоторыми исключениями подлежал предварительному просмотру и регистрации, а аудиозапись могла распространяться под измененным названием, и установление ее фактического содержания не было возможным до момента воспроизведения. Тем самым нарушалась логика превентивного контроля, который основывался на идентификации текста по заглавию и авторству.

Еще одним уязвимым элементом правового поля был вопрос о подчинении граммофонного дела надзору инспекции по делам печати. Инспектор обратился к высшей администрации с просьбой расширить полномочия инспекции для осуществления надзора граммофонного дела в Тифлисе. Это беспокойство было обусловлено тем обстоятельством, что в Тифлисе иностранным акционерным обществом – компанией «Граммфон» – открывалась оптовая торговля граммофонами и пластинками, а управление торговлей поручалось иностранному подданному. Кроме того, инспектор свое беспокойство объяснял тем обстоятельством, что, по многочисленным слухам, в данном магазине имелись пластинки с армянскими патриотическими песнями (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4644. Л. 3).

В свою очередь Министерство внутренних дел своими циркулярами уведомляло региональные власти о том, что пластинки духовного содержания зачастую чередуются с музыкальными пьесами светского содержания (романсы, комические куплеты, шансонетки и т.д.). Министр внутренних дел В. Плеве призывал принять меры на местах меры к полному запрещению публичного (магазины, концерты, базары) демонстрирования на граммофонах, фонографах пьес духовного содержания (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 31).

Фактически сочетание иностранного капитала, технологически нового средства коммуникации и многонациональной среды региона воспринималось как потенциально рискованный фактор, а граммофон стал рассматриваться не только как предмет торговли, но и как канал распространения

национальных, политических, идеологических идей. В этих условиях включения нового вида медиа в систему предварительного надзора предполагало необходимость расширения правового поля для ответственных чиновников медиасферы.

Беспокойство цензоров и инспекторов имело определенные основания, о чем свидетельствуют газетная реклама Кавказского главного агентства компании «Граммфон» в России и письмо Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе (Реклама..., 1903).

Оба документа служат источником для понимания широкой трансформации медиапространства начала XX века. В рекламной публикации граммфон и пластинки позиционируются как техническое устройство, товар массового потребления и средство межкультурной коммуникации. Голос и мелодия как средства выразительности содержания становятся тиражируемым и переносимым без непосредственного участия исполнителя. В рекламе упоминается концертный зал при магазине, где посетители могли бесплатно прослушивать пластинки (Реклама..., 1903). Таким образом граммфон выступает не только как предмет индивидуального потребления, а как средство новой формы публичности.

Законодательство в данной сфере также оставалось недостаточно разработанным. Театральная и другие виды сценического искусства, общественно-развлекательные мероприятия (в том числе мероприятия для игры в лотерею-аллегри) как сферы публичной коммуникации имели свои установленные строгие правила, но ими не регулировалась сфера публичности аудиоконтента.

Некоторые вопросы регулирования решались на локальном уровне, тогда как другие требовали более широкого правового регулирования. Так, Главного начальствующий гражданского частью на Кавказе Г. Голицын сообщает министру внутренних дел, что тифлисский полицмейстер, реагируя на жалобы граждан на шум и раздражающее воздействие граммфонных исполнений, распорядился запретить их воспроизведение после полночи. Одновременно фиксировались случаи, когда лица без постоянного заработка приобретали граммфоны и за плату воспроизводили записи во дворах, по аналогии с практикой уличных шарманщиков. Кавказских чиновников беспокоила как форма распространения аудиоконтента, так и масштаб аудиопродукции: «Насколько же велик в настоящее время репертуар граммфонных пластинок-нот, можно видеть из того, что из каталога одного упомянутого агентства значится их более 50 000» (НАГ. Ф. 12. Оп. 7. Д. 2843. Л. 6-6об.).

Но рынок аудиопродукции имел и теневую сторону, на что указывает рекламный текст. Рекламодатель предупреждал, что на рынке существует значительное количество подделок, что еще более усложняло механизмы контроля. Если для компаний данный вопрос решался за счет фабричного клейма, на котором был изображен «Пишущий ангел», то для ответственных за содержанием медиаконтента наличие подделок создавало дополнительные проблемы.

Фактически формировалась гибридная модель регулирования медиасферы. Пластинка как носитель контента одновременно являлась товаром, распространение которого не имело четких механизмов регулирования, в то же время бесплатная рассылка каталогов и публикация рекламы пластинок опиралась на печатную форму медиа, которая имела свои цензурные правила.

Сохранился интересный документ, который показывает еще одну проблемную сторону регулирования сферы аудиозаписи – проблема рекламы и авторского права.

24 октября 1903 г. Главное управление по делам печати уведомило цензурные комитеты и отдельных цензоров о том, что с разрешения Московской цензуры была издана брошюра «Каталог избранных пьес для граммфона. К. О. Нэографон» (Москва, 1903, типография В. С. Лебедева). В каталоге фирма «Нэографон» указала имена известных российских исполнителей, которые жаловались на то, что фирма, не выплачивая им гонораров, приобретала по одному экземпляру пластинок, записанных для компаний «Граммфон» и «Зенофон», изготавливала гальванические клише и тиражировала копии под их именами, используя их в рекламных целях. В связи с этим предписывалось с особой строгостью относиться к каталогам фирмы «Нэографон» (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 1. Д. 662. Л. 3-4).

Одна из особенностей регулирования граммфонной сферы и пластинок была также неоперативная коммуникация между центральными и региональными административными структурами. Заметим, что первое письмо из Кавказа в МВД было отправлено в октябре 1902 г., а ответ на данный вопрос был прислан лишь 23 сентября 1904 г.

В письме министра внутренних дел П. Святополка-Мирского сообщалось, что ввозимые в Российскую империю граммфонные пластинки не подлежали предварительному цензурному контролю. Распространение на них модели печатной цензуры признавалось практически неосуществимым вследствие масштабного распространения соответствующих устройств и необходимости создания значительного числа цензоров, что при этом не гарантировало бы исключения запрещенного содержания. В документе отмечалось: «В виду сего МВД полагало бы более целесообразным усиления наблюдения за обращением в продаж пластинок, предназначенных для воспроизведения в граммфонах, графофонах и других подобных инструментах пения, музыки и декламации, с привлечением к ответственности тех лиц, кои окажутся виновными в распространении или приобретении таких нотных пластинок, которые заключали бы в себе что-либо недозволенное для обращения в публице» (НАГ. Ф. 12. Оп. 7. Д. 2843. Л. 10-11).

По сути, до 1905 г. трансформация медиасреды посредством аудиопродукции создала новое полиязычное аудиопространство (русское, армянское, грузинское и т.д.), которое в силу своих технических и технологических характеристик стало вызовом для цензурного регулирования в плане товара, но само содержание пластинок вынуждало администрации искать способы регулирования рынка по традиционным методам – на основе правового регулирования издательской продукции.

Печатная продукция и аудиопродукция, как объекты цензурного регулирования, демонстрируют противоречия в цензурной практике. Так, одним из главных препятствий развития журналистики в регионах империи было «отсутствие отдельного цензора» (Жилякова, 2020: 29) и вследствие этого во многих регионах не разрешалось издание газет и журналов. Но ограниченное количество цензоров не влияло на распространение пластинок во всей империи.

Вопросы правового регулирования аудиопродукции и техники после 1905 г.

После Первой русской революции вопрос регулирования продажи граммофонов и пластинок был вновь актуализирован в условиях трансформации нормативно-правового поля медиасистемы.

Реформа цензурного законодательства привела к переходу от превентивной модели контроля к карательной, основанной на ответственности за распространенный контент. «Введение системы карательной цензуры на всей территории Российской империи изменило характер работы цензоров и структуру цензурных учреждений. Увеличилась нагрузка по проверке текстов. Во всех цензурных учреждениях ощущалась нехватка кадрового состава» (Патрушева, 2016: 83).

Принцип превентивного контроля в значительной степени не распространялся на рекламную деятельность, которая по-прежнему оставалась преимущественно в сфере регулирования полиции. Исключение составляли библиографическая реклама, медицинская реклама и отдельные виды экономической деятельности.

К вопросу об урегулировании граммофонов кавказская администрация вновь вернулась в 1910-е годы.

В копии секретного циркуляра канцелярии наместника на Кавказе от 1 мая за 1911 за №568, текст которого был отправлен губернаторам, начальникам областей и отдельных округов Кавказского края и Бакинскому Градоначальнику, сообщается, что в общественных местах получили широкое распространение граммофоны и иные механические устройства, способные воспроизводить не только музыку, но и целые речи (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 1). Свое беспокойство канцелярия аргументировала тем, что посредством аудиопродукции в империи могут свободно распространяться нецензурные и порнографические произведения, а также речи политических агитаторов вредного и преступного содержания.

Как показывают архивные документы, в определенный период административно-правовой практики Кавказского наместничества регулирование производства и распространения граммофонных пластинок осуществлялось по аналогии с нормами, действовавшими в сфере печатного дела. В соответствии со ст. 158-169, 176, 177, 179 Устава о цензуре и печати фабрики граммофонных пластинок приравнивались к типографиям и литографиям, а пункты их реализации – к книжным магазинам. Тем самым на указанные учреждения в полном объеме распространялись положения цензуры (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 1). Но циркуляр Департамента полиции от 11 января 1913 г. зафиксировал институциональный предел расширительного толкования цензурного законодательства. В данном циркуляре сообщается, что указ Правительствующего сената от 6 октября 1912 г. № 12016 прямо указывал, что такое подчинение «может иметь место лишь в законодательном порядке, а не путем толкования установленных в Уставе о цензуре и печати правил» (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 37-38).

Как видим, была признана невозможность автоматического нормативного отождествления печатного производства и сферы звукозаписи.

В копии секретного циркуляра от 1 мая за 1911 за №568 Наместник Кавказа Генерал-адъютант И. Воронцов-Дашков предписывал подведомственным чинам полиции произвести проверку граммофонных пластинок, демонстрируемых в публичных местах и предназначенных для продажи. В случае выявления запрещенных цензурой пластинок предписывалось изымать их из обращения на основании ст. 138 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, а при наличии достаточных оснований – привлекать виновных к установленной законом ответственности.

Особый интерес представляет заключительная часть данного циркуляра: «Вменить чинам полиции в обязанность отнестись к возложенному на них поручению возможно менее формально, руководствуясь в каждом отдельном случае единственно лишь соображениями государственного порядка и общественного спокойствия, а не своими личными взглядами» (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 2).

Фактически в постреволюционный период была предпринята попытка адаптировать регулирование нового медиума посредством применения традиционных правовых механизмов, разработанных для контроля печатной продукции. Однако подобная универсализация законов нередко приводила к тому, что многие чиновники руководствовались личными убеждениями, а риск произвольного применения власти не всегда приводила к эффективным результатам правоприменения.

В итоге Тифлисский полицмейстер сообщил Тифлисскому губернатору, что «пластинок, недозволенных цензурою или же таких, воспроизведение коих в публичных местах представлялось бы местным условиям нежелательным, в продаже не оказалось, как равно не обнаружено таковых и в доступных для публики местах» (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 16).

Возможно, более строгое отношение к безнравственным и порнографическим аудиозаписям было обусловлено также тем обстоятельством, что Россия в 1910 г. в Париже подписала «Соглашения относительно пресечения обращения порнографических изданий».

За исследуемый период продолжались обсуждения вопросов контроля над пластинками духовного содержания. В дополнение к ранее установленному запрету на публичную демонстрацию было предписано со ссылкой на статью 100 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, «Воспретить лицам нехристианских вероучений продажу пластинок для граммофонов со словами православных молитвословий» (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 32). Заметим, что по сравнению с первым периодом, когда духовный контент служил прикрытием для распространения светских произведений, то в рассматриваемые годы большее внимание уделялось конфессиональной принадлежности и правовому статусу участников рынка. В то же время должны отметить, что в духовной цензуре в годы первой русской революции также претерпела изменения: Синод сохранил контроль только над «официозами и изданиями духовных учебных заведений, в то время как частные издания на церковную тематику или даже издания, открытые представителями духовенства, лишались контроля» (Липовецкий, 2022: 257).

Архивные материалы показывают еще одну проблемную сторону функционирования аудиорынка в Российской империи. В циркуляре Главного управления по делам печати, отправленном цензурным комитетам и отдельным цензорам по иностранной цензуре, отмечается, что заграничные фирмы жалуются на частые случаи повреждения и утраты высылаемых им в Россию музыкальных пластинок при их досмотре. Ответственным за проведение досмотра пластинок поручали принять меры к тому, чтобы проверка «поступающих к ним заграничных пластинок производилась с должной тщательностью и осторожностью» (РГИА. Ф. 776. Оп. 15. 1905. Д. 353. Л. 127). Фактически логика паллиативной цензурной фильтрации негативно воздействовала на рынок аудиопродукции.

5. Заключение

На примере Кавказского региона можно констатировать, что аудиотехника и аудиопродукция стали не только культурным и коммерческим феноменом в социально-культурной жизни Российской империи, но и своеобразным индикатором кризиса традиционной цензуры. Имперская администрация стремилась регулировать сферу звукозаписи посредством уже существующих правовых норм, однако специфичность данных видов медиа вступали в противоречие с принципами централизации и унификации системы контроля, что часто приводило к противоречивым решениям в регионах. Граммофон и пластинка существенно изменили коммуникативное пространство. Если идентичность фиксированного печатного текста в целом доступна для непосредственного визуального контроля, то содержание пластинки раскрывалось исключительно в процессе ее воспроизведения и во временной протяженности звучания. Это существенно затрудняло возможность мгновенной и целостной проверки содержания. Кроме того, несоответствие наименования как на самой продукции, так и в каталогах, фактическое содержание пластинки, множественность тиражей и репертуаров, а также техническая невозможность прослушивания всех экземпляров пластинок осложняли задачу законодательного регулирования распространения двойственного медиапродукта – сочетающего-материальную и информационную составляющие.

Литература

Богомолов, 2024 – Богомолов И.К. Кинематографическая цензура в России в годы Первой мировой войны // *Вестник Московского университета. Серия 8. История.* 2024. Т. 65. № 5. С. 70-96.

Габдрафикова, Салихов, 2013 – Габдрафикова Л.Р., Салихов Р.Р. Татарские граммофонные записи в начале XX века // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств.* 2013. № 1. С. 48-51.

Газиев, 2017 – Газиев И.М. Записи произведений татарского поэта Габдуллы Тукая на граммофонных пластинках начала XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2017. № 12-2. С. 61-63.

Газиев, 2022 – Газиев И.М. Граммофонные записи татарских исполнителей начала XX века: певец-гармонист Хусайн Юсипов // *Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship.* 2022. № 3. С. 202-214.

Грюнберг, 2011 – Грюнберг П.Н. Ранняя российская грамзапись как новое информационное явление (1899–1917 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2011.

Даниелян, 2023 – Даниелян Т.Р. Деятельность цензора С. Мелик-Меграбова в Кавказском цензурном комитете (1872–1890 гг.) // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика.* 2023. № 1. С. 164-187.

Жилякова, 2020 – Жилякова Н.В. Специфика цензурного надзора за частной периодической печатью Томска конца XIX века // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2020. Т. 19. № 6. С. 21-32.

Липовецкий, 2022 – Липовецкий П.Е. Духовная цензура в период Первой русской революции // *Богословский вестник*. 2022. № 2 (45). С. 241-260.

Маклюэн, 2003 – Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. В. Николаева. Москва, 2003.

НАГ – Национальный архив Грузии.

Николаев, 2021 – Николаев В.Е. Права исполнителей в юридической практике Российской империи: соглашение АО «Граммфон» и общества деятелей периодической печати и литературы // *Advances in Law Studies*. 2021. Т. 9. № 4.

Патрушева, 2016 – Патрушева Н.Г. Цензурные учреждения Российской империи и система карательной цензуры в начале XX века // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2016. № 213. С. 79-84.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Реклама..., 1903 – Реклама Кавказского главного агентства компании «Граммфон» в России // *Мшак*. 1903. 246. 8 ноябрь. (на арм. яз.)

Рикитянская, 2022 – Рикитянская М. Медиа и аудитории в историко-социологической перспективе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2022. Т. 15. № 3. С. 285-298.

Соколова, 2012 – Соколова А.Н. Представители компании «Граммфон» на Кавказе: из истории фонодокументирования в начале XX в. // *Отечественные архивы*. 2012. № 2. С. 39-47.

Соколова, 2019 – Соколова А.Н. Кавказские дореволюционные звукозаписи как объект научного исследования // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2019. № 4. С. 173-180.

Чванова, 2020 – Чванова Т.П. Звукозапись, средства аудиокommunikации и фортепианное исполнительство: эволюция взглядов // *Художественное образование и наука*. 2020. № 4. С. 32-38.

Юлдашев, 2014 – Юлдашев Э. Об истории распространения граммофона в Туркестане // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 4. С. 109-114.

Danielyan, Petrosyan, 2026 – Danielyan T., Petrosyan S. The Imagological Construct of the Armenian Press in the Discourse of Imperial Censorship (based on the Armenian Press of Tiflis, 1846–1914) // *Bylye Gody*. 2026. 21(1): 228-239.

Gitelman, 1999 – Gitelman L. Scripts, grooves, and writing machines: Representing technology in the Edison era. Stanford, 1999.

References

Bogomolov, 2024 – Bogomolov, I.K. (2024). Kinematograficheskaya tsenzura v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Film censorship in Russia during the first world war]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 65(5): 70-96 [in Russian]

Chvanova, 2020 – Chvanova, T.P. (2020). Zvukozapis, sredstva audiokommunikatsii i fortepiannoe ispolnitelstvo: evolyutsiya vzglyadov [Sound recording, audio communications and piano performance: evolution of views]. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka*. 4: 32-38. [in Russian]

Danielyan, 2023 – Danielyan, T.R. (2023). Deyatelnost tsenzora S. Melik-Megrabova v Kavkazskom tsenzurnom komitete (1872–1890 gg.) [The activities of censor S. Melik-Mehrabov in the Caucasus Censorship Committee (1872–1890)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 1: 164-187. [in Russian]

Danielyan, Petrosyan, 2026 – Danielyan, T., Petrosyan, S. (2026). The Imagological Construct of the Armenian Press in the Discourse of Imperial Censorship (based on the Armenian Press of Tiflis, 1846–1914). *Bylye Gody*. 21(1): 228-239.

Gabdrifikova, Salikhov, 2013 – Gabdrifikova, L.R., Salikhov, R.R. (2013). Tatarskie grammofonnye zapisi v nachale XX veka [Tatar gramophone records in the beginning of XX century]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 1: 48-51. [in Russian]

Gaziev, 2017 – Gaziev, I.M. (2017). Zapisi proizvedeniy tatarskogo poeta Gabdully Tukaya na grammofonnykh plastinkakh nachala XX veka [Recordings of the Tatar poet Gabdulla Tuqay's works on gramophone records of the beginning of the XX century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12-2: 61-63. [in Russian]

Gaziev, 2022 – Gaziev, I.M. (2022). Grammofonnye zapisi tatarskikh ispolniteley nachala XX veka: pevets-garmonist Khusain Yusipov [Tatar performers gramophone recordings of the early twentieth century: singer and harmonica player Husain Yusipov]. *Problemy musical'noy nauki/Music Scholarship*. 3: 202-214. [in Russian]

Gitelman, 1999 – Gitelman, L. (1999). Scripts, grooves, and writing machines: Representing technology in the Edison era. Stanford.

Grunberg, 2011 – *Grunberg, P.N.* (2011). Rannaya rossiyskaya gramzapis kak novoe informatsionnoe yavlenie (1899–1917 gg.) [Early Russian gramophone recording as a new informational phenomenon]. M. [in Russian]

Lipovetsky, 2022 – *Lipovetsky, P.E.* (2022). Dukhovnaya tsenzura v period Pervoy russkoy revolyutsii [Spiritual censorship during the First Russian Revolution]. *Bogoslovskii vestnik*. 2(45): 241-260. [in Russian]

McLuhan, 2003 – *McLuhan, M.* (2003). Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding media: The extensions of man]. M. [in Russian]

NAG – Natsional'nyi arkhiv Gruzii [National Archives of Georgia].

Nikolaev, 2021 – *Nikolaev, V.E.* (2021). Prava ispolnitelej v juridicheskoy praktike Rossijskoj imperii: soglasenie AO «Grammofon» i obshhestva dejatelej periodicheskoy pechati i literatury [The rights of performers in the legal practice of the Russian Empire: an agreement between the joint-stock company “Gramophone” and the society of periodicals and literature personalities]. *Advances in Law Studies*. 9(4). [in Russian]

Patrusheva, 2016 – *Patrusheva, N.G.* (2016). Tsenzurnye uchrezhdeniya Rossijskoj imperii i sistema karatelnoy tsenzury v nachale XX veka [Censorship institutions of the Russian Empire and the system of secret censorship in the early 20th century]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury*. 213: 79-84. [in Russian]

Reklama..., 1903 – Reklama Kavkazskogo glavnogo agentstva kompanii “Grammofon” v Rossii [Advertisement of the Caucasian Main Agency of the Gramophone Company in Russia]. *Mshak*. 1903. No. 246. 8 November. [in Armenian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Rikityanskaya, 2022 – *Rikityanskaya, M.* (2022). Media i auditorii v istoriko-sotsiologicheskoy perspektive [Media and audiences in historical and sociological perspective]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 15(3): 285-298. [in Russian]

Sokolova, 2012 – *Sokolova, A.N.* (2012). Predstaviteli kompanii “Grammofon” na Kavkaze [Representatives of the Gramophone Company in the Caucasus]. *Otechestvennye arkhivy*. 2: 39-47. [in Russian]

Sokolova, 2019 – *Sokolova, A.N.* (2019). Kavkazskie dorevolyutsionnye zvukozapisi kak obekt nauchnogo issledovaniya [The Caucasus pre-revolutionary sound recordings as a scientific research object]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 4: 173-180. [in Russian]

Yuldashev, 2014 – *Yuldashev, E.* (2014). Ob istorii rasprostraneniya grammofona v Turkestane [On the history of gramophone dissemination in Turkestan]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 4: 109-114. [in Russian]

Zhilyakova, 2020 – *Zhilyakova, N.V.* (2020). Spetsifika tsenzurnogo nadzora za chastnoy periodicheskoy pechatyu Tomska kontsa XIX veka [Specificity of censor overview of private periodic press of Tomsk at the end of the 19th century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 19(6): 21-32. [in Russian]

От печатного текста к голосу: граммофонная запись и переосмысление цензурных практик в Российской империи (на примере кавказского региона, 1902–1913 гг.)

Тарон Рудольфович Даниелян ^{a, b, *}, Тигран Самвелович Геворгян ^b, Нане Эдиковна Варданян ^a

^a Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

^b Ванадзорский государственный университет, Ванадзор, Армения

Аннотация. Распространение граммофона и пластинок в Российской империи в начале XX века стало вызовом для цензурной системы, которая исторически была ориентирована на контроль печатного слова. Аудиозапись как новый тип медиума имела двойственную природу: выступала в качестве материального коммерческого продукта и носителя акустического текста, что существенно осложняло ее юридическую квалификацию. В полиязычном и поликонфессиональном пространстве Кавказского наместничества данные противоречия приобрели особую административную, правоприменительную и политическую остроту. Цель исследования – проанализировать институциональные и правоприменительные практики регулирования граммофонов и граммофонных пластинок Кавказским цензурным комитетом и связанными с ним имперскими инстанциями в 1902–1913 гг., а также выявить трансформацию нормативной логики контр+оля в условиях появления аудиомедиа. Источниковую базу составили материалы

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tarondanielyan@ysu.am (Т.Р. Даниелян)

Национального архива Грузии и Российского государственного исторического архива, позволяющие реконструировать административную переписку, интерпретации действующего законодательства и практики надзора за граммофонными предприятиями. Установлено, что имперская администрация на первоначальном этапе фиксировала наличие законодательного пробела в отношении аудиозаписи как специфической формы массовой коммуникации и предпринимала попытки распространить на нее нормы, регламентировавшие печатную продукцию. После реформ 1905 г. сформировалась гибридная модель контроля, сочетавшая полицейский надзор, ответственность за публикацию и аналогичное применение положений Устава о цензуре и печати к деятельности граммофонных фабрик. Но попытки приравнять производство и распространение граммофонных пластинок к функционированию типографий и книжных магазинов выявили пределы расширительного толкования цензурного законодательства и продемонстрировали неспособность существующей нормативной системы адекватно охватить новые формы медиапроизводства.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказское наместничество, Кавказский цензурный комитет, Главное Управление по делам печати, звукозапись, граммофон, фонограф, граммофонные пластинки, армянские песни, пьесы духовного содержания.